

Тризна Дмитрий Степанович

**Финляндия за 100 лет в
составе России (1809-1909 г)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Степанович Т.**
Финляндия за 100 лет в составе России (1809-1909 г) / Тризна Дмитрий Сте-
панович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 79 с.

ISBN 978-5-519-77425-3

ISBN 978-5-519-77425-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Два слова отъ автора.

Предлагаемый очеркъ представляетъ собою не ученое изслѣдованіе, а лишь картину, по возможности выразительную, прогресса, достигнутаго Финляндіей за сто лѣтъ ея нахожденія «въ собственности и державномъ обладаніи Россіи». При этомъ, ради возможности сравнительной оцѣнки достигнутаго окраиной прогресса, результаты его сопоставляются съ соотвѣтственными данными изъ жизни Россіи. Источниками служили, за рѣдкими, всегда отмѣчаемыми, исключеніями, официальные изданія: по Россіи—русскія, а по Финляндіи—мѣстныя *).

Наша читающая публика такъ мало знакома съ финляндской окраиной, что и этотъ небольшой очеркъ, смѣю надѣяться, будетъ небезполезенъ.

*) Именно, главнымъ образомъ:

По Россіи: «Ежегодникъ Россіи», изданіе Центрального Статистическаго Комитета.

По Финляндіи: 1) «Финляндскіе Законы, въ официальномъ на русскій языкъ переводѣ, 1824 г.

2) «Изображеніе порядка судопроизводства въ В. К. Финляндскомъ», въ русскомъ переводѣ сенатскаго переводчика В. Лундала, 1852 г.

3) «Статистическіе Ежегодники Финляндіи», изданіе Финляндскаго Статистическаго Бюро на русскомъ языкѣ.

4) «Сельское хозяйство Финляндіи», изданіе Финляндскаго Сельскохозяйственнаго Управленія.

5) «Статистическіе очерки Финляндіи», г. Игнаціуса, директора Статистическаго Бюро.

Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи.

(1809—1909 г.).

ГЛАВА I.

Характеристика края при его покореніи. Составъ населенія. Права сословій. Безправіе русскихъ выходцевъ. Отношеніе между привилегированными сословіями и народомъ. Отношеніе между администраціей и народомъ. Шведскіе судебные порядки. Судебная власть губернаторовъ.

Императоръ Александръ I передъ покореніемъ Финляндіи, къ чему торопилъ его Наполеонъ I, въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ между прочимъ сказалъ: „Финляндія—куда Вы заставляете Меня идти—пустыня, обладаніе которою не можетъ соблазнить“¹⁾. И дѣйствительно, въ то время, сто лѣтъ назадъ, Финляндія была страна дикая, весьма мало населенная очень бѣдными, разоренными, нетребовательными „пасынками природы“, страна съ весьма слабымъ земледѣліемъ, съ немногими городами въ масштабѣ небольшихъ селъ, почти безъ промышленности и торговли, безъ всякой общественной жизни, почти безъ школъ, безъ искусствъ и литературы. Финляндія въ то время была глушь въ полномъ смыслѣ этого слова. Насколько въ пей слабо распространялись даже самыя захватывающія вѣсти, можетъ служить показателемъ хотя бы тотъ историческій фактъ, что обыватели главнаго въ то время города страны—Або—не знали о войнѣ, длившейся въ краѣ уже болѣе мѣсяца, и даже не вѣрили, что русскія войска приближаются къ ихъ городу; были посланы особые развѣдчики, которые и удостовѣрили приближеніе русскихъ. Такой фактъ станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что крестъ-

¹⁾ Исторія Финляндіи. М. Воронкинъ.

янамъ, въ интересахъ помѣщиковъ, закономъ запрещалось отлучаться изъ своей губерніи въ другія, а письменныхъ сношеній почти не существовало.

Нашей задачей является поближе ознакомиться съ состояніемъ края въ то время и съ послѣдующими его успѣхами.

Приблѣнительный край, завоеванный у Швеціи и по Фридрихсгамскому мирному договору въ 1809 г. присоединенный къ Россіи, былъ дикой, скалистой, пустынной страной, почти сплошь покрытой первобытнымъ, мрачнымъ хвойнымъ лѣсомъ и тысячами озеръ и болотъ, которыя занимали до $\frac{1}{3}$ всей площади страны и между которыми пашни и луга (5%—6% всей страны) совершенно терялись.

На громадной площади этой страны (до 330 т. кв. килом. или 290 т. кв. верстъ) населеніе было такъ малочисленно (863 тыс. душъ), что на 1 кв. версту приходилось 3 человѣка. Населенныя мѣста были весьма рѣдки, даже въ южной части страны, и составляли не сплошные поселенія, а лишь группы въ 20—30 дворовъ-особняковъ, весьма разбросанныхъ и окруженныхъ безконечнымъ лѣсомъ, въ которомъ хищныя звѣри водились въ изобиліи.

Городовъ было 23, но большей частью это были города только по названію, а въ дѣйствительности такія-же деревни, служившія резиденціей разныхъ административныхъ учрежденій. Главный городъ—Або имѣлъ населеніе въ 10 т. чел., Гельсингфорсъ—4 т., Улеборгъ—3 т.; остальные 20 городовъ имѣли отъ 340 до 2.500 человѣкъ, т. е. въ сложности до 24 т. чел. населенія, и такимъ образомъ, среднимъ счетомъ на городъ приходилось по 1.200 челов. Все городское населеніе (41 т. чел.) составляло менѣе 5% всего населенія края и состояло главнымъ образомъ изъ служащихъ, съ ихъ семьями и рабочими. Города почти сплошь состояли изъ деревянныхъ построекъ; только церкви, и то не всегда, и нѣкоторые казенныя строенія были каменные. Театровъ, клубовъ, библиотекъ, гостиницъ не имѣлось; едва-ли были, кромѣ почтовыхъ станцій, заѣзжіе дворы. Впрочемъ, въ Або было нѣчто въ родѣ театра, гостиница и даже издавалась единственная въ краѣ газета. Почтовые дороги, хотя очень узкія,—всего отъ 2 до 4 саж., но, благодаря каменистому и песчано-глинистому грунту, хорошія, имѣлись только между шестью губернскими городами и частью между уѣздными; въѣзжихъ путей приходилось пользоваться самыми примитивными дорожками и тропами.

Императору Александру I, во время его путешествія въ 1819 году отъ Валаама до Улеборга, пришлось, между прочимъ, попасть на та-

кой путь, по которому на протяженіи 21 версты онъ могъ ѣхать только верхомъ, да и то съ осторожностью, а на протяженіи 50 верстъ даже и верхомъ нельзя было ѣхать и пришлось идти пѣшкомъ, ведя коня въ поводу (Исторія Финляндіи. М. Бородинъ).

Населеніе края состояло изъ коренныхъ обитателей — финновъ (85%—86%) и шведовъ (15%—14%) и раздѣлялось на сословія: 1) титулованное и простое дворянство, 2) духовенство, 3) горожанъ и 4) крестьянъ. Первые два сословія и отчасти третье состояли изъ шведовъ, а четвертое составляли преимущественно финны и только отчасти шведы. Крестьяне подраздѣлялись на крестьянъ-собственниковъ, крестьянъ казенныхъ (арендующихъ землю у казны) и помѣщичьихъ или торпарей, арендующихъ у помѣщика клочекъ земли и избу. Свѣдѣній о численности крестьянъ этихъ категорій не имѣется. Наконецъ, былъ еще классъ жителей, не причисленныхъ ни къ какому сословію, это бобыли, батраки, всякіе рабочіе и прислуга. Численность этой категоріи тоже неизвѣстна; они не пользовались никакими правами, и потому особаго счета имъ не вели, какъ не ведутъ и нынѣ.

Права и положеніе сословій были весьма не одинаковы. Дворяне, владѣя обширными помѣстьями, —которыя были имъ розданы отъ казны за службу, вмѣсто жалованія, —налоговъ не платили; они занимали всѣ лучшія мѣста въ гражданской и военной службѣ; всѣ старшіе члены дворянскихъ фамилій могли присутствовать на шведскомъ риксдагѣ сами или передавать это право другому; дворяне имѣли право сами, безъ посредства суда и полиціи, взыскивать долги съ неисправныхъплательщиковъ и т. п.

Духовенство тоже налоговъ не платило; получало большіе доходы деньгами и натурой и для воздѣлыванія земли пользовалось *даровымъ* трудомъ прихожанъ. Короче говоря —пасторъ былъ помѣщикомъ въ своемъ приходѣ; онъ-же выдавалъ прихожанамъ свидѣтельства въ хорошемъ поведеніи и другія, безъ которыхъ нельзя было ни поступить на службу, ни переѣхать на новое мѣстожительство и т. п.; такимъ образомъ пасторъ-помѣщикъ замѣнялъ также и полицію. Положеніе и права духовенства почти не измѣнились и нынѣ. Вліяніе духовенства было весьма велико, что можно видѣть изъ слѣдующихъ уголовныхъ законовъ: за рѣдкое посѣщеніе церкви назначался штрафъ въ 10 талеровъ, за работу въ праздникъ тоже; „кто предприметъ путешествіе сухимъ путемъ или водою, въ городѣ или уѣздѣ, прежде окончанія Божественной службы, подвергается штрафу въ 10 тал.; всякій, кто для сего дастъ въ наймы лошадей или лодку, имѣетъ быть оштрафованъ взысканіемъ

5 тал.; если кто находится будетъ въ дорогѣ, то имѣть онъ прійти для выслушанія совершаемой божественной службы въ церковь, на пути стоящую¹⁾.

Горожане имѣли право заниматься или торговлей, или ремеслами; торговать можно было только въ своемъ городѣ; ремесломъ-же можно было заниматься только какимъ-либо однимъ.

Наконецъ крестьяне, неся на себѣ всю тяжесть денежной, натуральной и воинской повинности, никакихъ правъ не имѣли; подѣ страхомъ наказаній они не смѣли ни торговать, ни заниматься какимъ-либо ремесломъ; не имѣли даже права отлучаться изъ своей губерніи въ другія; для продажи на базарѣ можно было вывозить только произведенія своей собственной земли; скупка у другихъ для перепродажи за-прещалась.

Что же касается бобылей и особенно батраковъ (безземельныхъ), то ихъ положеніе было особенно тяжелымъ; они были *обязаны* наниматься въ услуженіе²⁾.

Отношенія между хозяевами и слугами опредѣлялись особымъ закономъ, весьма выгоднымъ для первыхъ, но настолько суровымъ для слугъ (и вообще работниковъ), что положеніе ихъ мало чѣмъ отличалось отъ крѣпостного состоянія. Въ силу этого закона не всякій имѣющій свое хозяйство могъ нанимать рабочихъ (видна забота о крупныхъ собственникахъ), но всякій и всякая не имѣющіе своего хозяйства, по достиженіи 15 лѣтъ, обязаны были (подѣ опасеніемъ подвергнуться наказанію за бродяжничество) наниматься въ услуженіе, непременно на годъ и не иначе, какъ съ 8 ноября до 8 ноября. Договоръ, заключенный

¹⁾ Изъ офиціальнаго, изданнаго въ 1824 г., перевода шведскаго уложенія 1734 года на русскій языкъ; изъ того же источника взяты и другія вышеприведенныя цитаты.

²⁾ Сверхъ этихъ коренныхъ классовъ жителей послѣ покоренія Финляндіи, и особенно послѣ присоединенія къ ней Выборгской губерніи, въ ней постепенно образовался еще классъ—это русскіе выходцы. Эти дѣти народа, завоевавшего край, были поставлены въ положеніе чингдъ болѣе не существующее, и въ такомъ позорномъ положеніи находятся и нынѣ: они должны уплачивать разныя подати и повинности, но никакихъ политическихъ и гражданскихъ правъ, напримѣръ, по выборамъ, не имѣютъ; заниматься промышленностью, быть участниками акціонерныхъ обществъ, банковыхъ учрежденій, желѣзно-дорожныхъ строителей, владѣть судномъ—они не имѣютъ права. Финляндецъ на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи имѣетъ всѣ гражданскія и политическія права русскаго гражданина и можетъ занять всякое мѣсто, до министра включительно, русскій же челоѣкъ въ Финляндіи не имѣетъ права быть даже городонымъ, матросомъ, сторожемъ; русскій докторъ не имѣетъ права лечить даже въ частныхъ больницахъ, и пр. и пр. Такой безпримѣрный позоръ для Россіи, разъ на него обращено вниманіе, не можетъ долѣе существовать. См. Суворовъ, Къ вопросу о равноправіи. СПб. 1907 г.

въ иное время и на иной срокъ, признавался недѣйствительнымъ и наказывался штрафомъ. Нанявшійся обязанъ былъ явиться къ своему хозяину не позже въ уѣздѣ 7 дней, и въ городѣ 4 дней со дня найма (8 ноября); въ случаѣ просрочки, хотя-бы одного дня, виновный приводился черезъ полицію, платилъ за это всѣ издержки и долженъ былъ работать хозяину *цѣлый годъ даромъ или откупиться годовымъ своимъ жалованіемъ*. Если работникъ бѣжалъ отъ хозяина, то разыскивался и приводился черезъ полицію, платилъ за это всѣ издержки и долженъ былъ дослуживать *хотя-бы цѣлый годъ, даромъ*, но хозяину предоставлялось право не принимать къ себѣ убѣжавшаго, а требовать съ него штрафъ въ размѣрѣ *всего годового жалованья*, хотя бы бѣжавшій не дослужилъ всего лишь нѣсколько дней. Вообще, хозяинъ, при желаніи имѣлъ полную возможность обратить трудъ работника въ даровой: даже хорошій работникъ могъ оказаться иногда нерадивымъ, неисправнымъ, напиться пьянымъ, зайти въ кабакъ, отлучиться безъ позволенія со двора, хотя бы ночью, вернуться не въ срокъ съ дозволенной отлучки, съ пьяна быть неосторожнымъ съ огнемъ (хотя бы безъ всякихъ отъ того послѣдствій), или быть грубымъ съ хозяиномъ и т. п. Въ каждомъ такомъ случаѣ работникъ, по жалобѣ хозяина, долженъ былъ возратить ему все заработанное жалованье, хотя-бы за круглый годъ, и всѣ другія издержки, какъ хозяину, такъ и суду, и если затѣмъ хозяинъ больше у себя виновнаго не оставлялъ, то его сдавали въ солдаты.

Но жаловаться полиціи или суду не всегда было удобно, а на работника, и безъ того уже работающаго даромъ,—даже не рассчитать; поэтому законъ, во избѣжаніе такихъ неудобствъ, давалъ хозяину право налагать на рабочихъ домашнія взысканія, въ родѣ сажанія въ прудъ въ колоду и палочной расправы, до увѣчья включительно. „Ежели хозяинъ или хозяйка (сказано въ отдѣлѣ о преступленіяхъ), причинить слугѣ своему побой такъ, что онъ отъ того изувѣченъ будетъ или сдѣлается калѣкою, то виновные имѣютъ быть подвергнуты за сіе законному взысканію, какъ выше сего сказано было“. „Справедливо-же учиненное ими наказаніе слугамъ за ихъ проступки оставляется безъ вниманія“.

Изъ этого ясно видно, каковъ былъ характеръ домашнихъ наказаній. Понятно, что хозяинъ всегда могъ найти оправданіе своему жестокому обращенію; но если бы такового оправданія и не нашлось, то онъ отдѣлывался пустячнымъ штрафомъ, напримѣръ, за вышибленный зубъ—6 талеровъ. Даже въ весьма серьезныхъ случаяхъ штрафъ налагался весьма незначительный, въ силу такого закона: „если кто по-

рубить другого въ лицо, или въ шею, или отсѣчь либо повредить ему носъ, ухо, кисть руки, руку или ногу, или вышибеть ему глазъ, такъ, что онъ отъ сего изувѣченъ будетъ, то имѣть заплатить штрафу за причиненное увѣче 50 талеровъ, а за уязвленіе—30 талеровъ. Слуги же за грубость противъ хозяина наказывались тюремнымъ заключеніемъ.

Итакъ, взаимныя отношенія въ Швеціи между привилегированными классами и народомъ были для послѣдняго весьма непривлекательны, едва ли лучше отношеній крѣпостного состоянія. Бывшій Генераль-Губернаторъ Финляндіи, графъ Бергъ, въ 1860 г., въ официальномъ письмѣ Министру Статсъ-Секретарю графу Армфельду высказалъ: *„Мнѣ извѣстны мстности въ Финляндіи, идѣ относительное и основанное на злоупотребленіи рабство финскаго народонаселенія часто тягелѣе, чѣмъ земельная крѣпостная зависимость въ Россіи“* (Viipuri, 1910 г. № 59). Такія отношенія между помѣщиками и народомъ въ Финляндіи сохранились въ значительной мѣрѣ и понынѣ.

Другую существенную сторону быта представляютъ отношенія между народомъ и администраціей и въ особенности *судомъ*, съ которымъ по преимуществу приходится имѣть дѣло народу.

Дворяне, занимая всѣ лучшія служебныя должности, охраняли значеніе и престижъ чиновника чрезвычайно суровыми мѣрами. Въ то время, какъ неприкосновенность частнаго лица, и главнымъ образомъ простого народа, почти не охранялась, — неприкосновенность чиновника охранялась угрозой казни; „всякъ, причинившій побои и удары судьѣ (сказано въ отдѣлѣ о преступленіяхъ) или какому-либо другому королевскому чиновнику ради дѣлъ, до службы касающихся, или кто по поводу оныхъ мститъ ему станетъ, имѣетъ быть лишень жизни“.

Но, охраняя такими крайними мѣрами чиновниковъ отъ частныхъ лицъ, законъ крайне слабо охранялъ частныхъ лицъ отъ чиновниковъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ о судопроизводствѣ сказано: „Если судья учинить несправедливый приговоръ съ намѣреніемъ, изъ ненависти и вражды, или-же изъ дружбы, лихоимства или корысти, то имѣетъ быть удалень отъ должности и не можетъ уже нивогда больше получить оной; также вознаградить обязанъ убытки, а подарки, коими онъ былъ подкупленъ, имѣють поступить въ пользу бѣдныхъ“. Вотъ и вся кара! Лукавый и продажный судья обращался въ частнаго человѣка, и только, и это за гнусное преступленіе, подрывающее послѣднюю гарантію безопасности и справедливости. Уже одного этого закона было достаточно, чтобы отбить у бѣдняка всякую охоту и рѣшимость судиться съ бога-

тымъ и знатымъ, тѣмъ болѣе, что *судъ производился на языкъ шведскомъ, народу непонятномъ*, и за всякій переводъ установлена была плата.

Впрочемъ, законъ этотъ не распространялся на случаи несправедливаго лишенія чести и жизни. Но такіе рѣдкіе случаи не измѣняютъ общаго характера явленій. Вышеупомянутой незначительной отвѣтственности подвергался и губернаторъ въ случаѣ преднамѣренной и даже корыстной несправедливости, причиненной жалобщику; но доказать несправедливость было невозможно.

Растрата частныхъ суммъ не считалась за преступленіе; точно также законъ не запрещалъ чиновнику-пріемщику входить въ сдѣлку съ поставщикомъ и чрезъ то извлекать себѣ выгоды, всегда сопряженныя съ ущербомъ для казны; таковое дѣяніе, считаемое по русскимъ законамъ однимъ изъ тяжкихъ служебныхъ преступленій, по шведскимъ законамъ, не почиталось не только лихоимствомъ, но даже и обманомъ.

Низшіе чиновники не могли быть смѣняемы иначе, какъ по суду; но для этого необходимо было крупное, какъ мы уже видѣли, злоупотребленіе и особое стеченіе обстоятельствъ, дающихъ возможность доказать злоупотребленіе.

Такая снисходительность закона къ служащимъ тѣмъ болѣе замѣтна, что, вообще говоря, шведскіе уголовные законы были очень суровы; даже въ концѣ 18 вѣка, когда въ Россіи смертная казнь оставлена была только за тяжкія государственныя преступленія, въ Швеціи таковая существовала еще за богохульство, колдовство, поддѣлку монеты, третью кражу, поджогъ, кровосмѣшеніе, убійство, двоеженство, побой чиновнику и нѣкоторыя другія.

Смертная казнь производилась не только черезъ повѣшеніе, но также отсѣченіемъ головы, колесованіемъ и сожженіемъ на кострѣ. Во многихъ случаяхъ производилась усложненная казнь; такъ, напримѣръ, за поджогъ сначала отрубали руку, потомъ казнили отсѣченіемъ головы и затѣмъ, ради большей внушительности, сжигали на кострѣ.

Кромѣ смертной казни, преступники наказывались заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости на срокъ или на всю жизнь; также заключеніемъ въ тюрьмѣ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, безъ соли, не болѣе 28 дней; говорятъ, что, несмотря на такой сравнительно небольшой срокъ, мало кто могъ выдержать это наказаніе безъ серьезнаго расстройства умственнаго и тѣлеснаго.

Наконѣцъ, часто практиковалось, и какъ самостоятельное наказаніе и взамѣнъ денежныхъ штрафовъ,—публичное наказаніе мужчинъ прутьями до 120 ударовъ, а женщинъ розгами до 90 ударовъ. Для на-

казанія, жертвы подвѣшивались за стянутыя руки къ столбу такъ, чтобы носками едва могли касаться земли и въ такомъ почти висѣчемъ положеніи подвергались ударамъ съ точно установленной скоростью. При плохомъ исполненіи этой экзекуціи завѣдующій ею могъ тутъ же продѣлать то же самое надъ ея исполнителемъ.

Шведскіе судебные порядки, хотя и весьма примитивны и запутаны до противорѣчивости, но дѣйствуютъ понынѣ, несмотря на рядъ Высочайшихъ повелѣній Сенату о ихъ преобразованіи.

Главнѣйшія основы по уложенію 1734 года были слѣдующія: судъ коллегіальный, безъ прокурора и присяжныхъ, для каждаго уѣзда—двѣ инстанціи суда и, кромѣ нихъ, для каждаго города тоже двѣ. Горожанинъ не могъ судиться въ судахъ уѣзда, а негорожанинъ — въ судахъ города, хотя бы жилъ въ городѣ.

Два высшихъ суда составляли третью инстанцію и, наконецъ, при шведскомъ совѣтѣ была четвертая инстанція.

Судебныхъ слѣдователей не существовало; о слѣдствіи не было и помину. Потерпѣвшему предоставлялось самому выяснить дѣло, заявить о преступленіи и начать искъ, но такъ какъ не всегда имѣются побудительныя причины къ заявленію, то законъ старался заинтересовать частныхъ доносителей, обѣщая имъ часть штрафа, который будетъ взысканъ съ виновнаго. Однако, эта развращающая мѣра не могла имѣть успѣха, такъ какъ награда за донесеніе не была гарантирована казной на случай несостоятельности виновнаго, да къ тому же недостаточно было заявить о фактѣ преступленія, а требовалось еще указать виновнаго и доказать его виновность, неудача же въ этомъ подвергала самого доносителя штрафу и даже тѣлесному наказанію.

О преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью, обязанъ былъ заявить казенный страпчій, но, не имѣя правъ слѣдователя, онъ не имѣлъ возможности идти дальше заявленія, особенно въ виду суровой отвѣтственности при неудачѣ обвиненія.

Судъ, приступая къ рассмотрѣнію дѣла безъ предварительнаго слѣдствія, принужденъ былъ пользоваться только данными, предъявленными сторонами, истцомъ и отвѣтчикомъ; на этихъ лицахъ, особенно на первомъ, лежитъ вся тяжесть судебного процесса: подавая жалобу, истецъ обязанъ не только указать виновнаго, но и доказать его вину, онъ долженъ составить вызовы отвѣтчику и свидѣтелямъ съ подробнымъ объясненіемъ всего дѣла, долженъ наблюдать, чтобы эти вызовы были въ свое время подписаны судомъ и позаботиться о доставкѣ ихъ по принадлежности не позже установленнаго срока. Расходы отвѣтника и